

Сафонов М. М.

С.-Петербургский институт истории РАН

**ПИСЬМО Ф.Ф. ВАДКОВСКОГО
3 ДЕКАБРЯ 1825 г.
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕКАБРИЗМА**

Аннотация: Уникальность этого исторического документа и его значение для верного понимания декабризма как общественно-политического движения до сих пор не осознал ни один исследователь, несмотря на то, что его текст известен почти целое столетие. Принято считать, что Ф.Ф. Вадковский передал его в руки провокатора И.В. Шервуда по неосторожности, а тот переслал его своим начальникам, что и привело к началу разгрома тайных обществ. При этом полностью игнорируется то важное обстоятельство, патриарху отечественного декабристоведения М.В. Нечкиной несомненно известно, что автор письма прекрасно знал, что передает этот документ в руки правительственного агента и, следовательно, пользуется им для сообщения властям той информации, которую тайное общество считало необходимым довести до верховной власти. А это в корне меняет наши представления о целях и тактике декабристкой конспирации.

Ключевые слова: Ф.Ф. Вадковский, И.В. Шервуд, А.А. Аракчеев, И.И. Дибич, семейство Булгари, М.В. Нечкина, декабризм, военные поселения

Safonov M. M.

St. Petersburg Institute of history Of the Russian Academy of Sciences

**LETTER OF F.F. VADKOVSKY TO P.I. PESTEL
ON DECEMBER 3, 1825
AND PROBLEMS OF STUDING DECEMBRISM**

Abstract: The uniqueness of this historical document and its significance for the correct understanding of decembrism as a social and political movement has not yet been realized by any researcher, despite the fact that its text has been known for almost a century. It is believed that F.F. Vadkovsky passed it into the hands of the provocateur I.V. Sherwood by negligence, and he forwarded it to his superiors, which led to the beginning of the defeat of secret societies. This completely ignores the important fact that the Patriarch of Russian Decembrist studies M.V. Nechkina

undoubtedly knows that the author of the letter knew perfectly well that he was passing this document into the hands of a government agent and, therefore, uses it to inform the authorities of the information that the secret society considered necessary to bring to the Supreme power. And this radically changes our ideas about the goals and tactics of the Decembrist conspiracy.

Keywords: F.F. Vadkovsky, I.V. Sherwood, A.A. Arakcheev, I.I. Dibich, Bulgari family, M.V. Nechkina, decembrism, military settlements

В 1929 г. И. М. Троцкий в журнале «Каторга и ссылка» опубликовал в русском переводе уникальный исторический документ¹. Четверть века спустя М. В. Нечкина воспроизвела его французский подлинник в серии «Восстание декабристов»². Несмотря на то, что текст этого документа известен уж почти целое столетие, уникальность его и значение для верного понимания декабризма как общественно-политического движения до сих пор не осознал ни один исследователь. И. М. Троцкий сосредоточил свое внимание на том, насколько этот документ отражает революционный энтузиазм автора³. М. В. Нечкина подчеркивала, что этот документ стал «тяжелой ошибкой», потому что он явился «неопровержимой уликой» и был использован правительством для раскрытия заговора.⁴

3 декабря 1825 г. в Курске член петербургской ячейки так называемого Южного общества Ф. Ф. Вадковский написал письмо лидеру этой организации полковнику Вятского полка П. И. Пестелю. Для того, кто собирался расследовать деятельность тайного общества, такой документ был важнее любого доноса на организацию, сколь бы он ни был содержателен и информативен. Данные, содержащиеся в доносе, надо было еще подтвердить и доказать. Иное дело — перехваченное письмо. Член тайного общества отчитывался перед руководителем организации о проделанной работе и делился своими планами на будущее, затрагивал вопрос об уставных документах и просил выслать проект конституции, выработанный руководством. Это — материал, вышедший из недр самой конспирации, ее, если можно так выразиться, делопроизводственный документ. Заметим сразу, что во всем делопроизводстве Следственной комиссии, расследовавшей деятельность тайных обществ в России, нет второго такого документа, который мог бы быть поставлен на одну доску рядом с ним.

Примечательная особенность этого перехваченного письма в том, что его даже не пришлось, собственно говоря, перехватывать. Автор сам отдал его в руки правительственного агента — унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда. В тот же день Шервуд вручил это письмо казачьему полковнику С. С. Николаеву. Полковник являлся начальником охраны Александра I в Таганроге, так называемой «таганрогской гвардии», и был «откомандирован»

в Курск выполнять секретную миссию. Николаев отвез письмо в Таганрог и 8 декабря 1825 г. передал его начальнику Главного штаба И.И. Дибичу.

Кажется, если кто-либо хотел «подставить» тайное общество, ему вряд ли бы удалось создать что-нибудь более разоблачительное. При чтении этого документа трудно избавиться от впечатления о том, что он специально составлялся для того, чтобы оказаться в руках следователей. Собственно, и не надо ничего особенно расследовать. Все как бы на блюдечке с золотой каемочкой у них перед глазами.

Трудно избавиться от чувства неловкости, когда читаешь это письмо. Наивность конспиратора, поставившего благодаря своей близорукости и неумению разбираться в людях тайное общество на грань провала, бьет через край. Хотя она как будто вполне объяснима. Корнета Кавалергардского полка Вадковского за дерзкое поведение произвели в прапорщики Нежинского конно-егерского полка и выслали из Петербурга в г. Ахтырку Курской губернии. По столичным понятиям — настоящую дыру. Блестящий гвардейский офицер происходил из семьи, которая составляла ближайший круг Павла I и его жены императрицы Марии Федоровны. Отец Вадковского сопровождал великокняжескую чету во время путешествия по Европе⁵. Теперь же сын придворного, близкого к семье императора, оказавшись в захолустье, почти что в «ссылке», чувствовал себя в новом месте службы как в «пустыне». Его сердце переполняла «память о ...клятвах», которые он дал Пестелю в Петербурге. Бывший корнет гвардии существовал и дышал «только для священной цели», которая их соединяла. В провинции он томился от безделья и жаждал деятельности. Нетрудно представить, что этот человек мог стать легкой добычей для любого честолюбца, желающего сделать карьеру на раскрытии заговора доносчика.

Даже не такого по своему талантливому, как Шервуд, по происхождению англичанина, уроженца Кента. Отец Шервуда был выписан в Россию по приказанию Павла I для определения на Александровскую мануфактуру, состоявшую под покровительством и ведением Марии Федоровны. Это дало возможность молодому Шервуду сделаться известным императрице. Мануфактура принадлежала ведомству Воспитательного дома, возглавляемого женой Павла. Мануфактура производила игральные карты, составляющие монополию Воспитательного дома, доход от которой шел на благотворительные учреждения Марии Федоровны. На предприятии работали воспитанники Воспитательного дома. Мануфактура являлась самой крупной среди учреждений обладательницей акций Российско-американской компании, ставшей штабом подготовки выступления тайного общества 14 декабря 1825 г.⁶ Таким образом, в биографиях декабриста и доносчика было нечто общее: оба они незримыми нитями оказывались связанными с вдовствующей императрицей.

Шервуд блестяще владел несколькими иностранными языками. В 1819 г. он поступил волонтером в поселенские войска. «Тут, несомненно, наличествует какой-то нераскрытый поворот его биографии, — недоумевала Нечкина, — так как едва ли по собственной воле англичанин поступил рядовым в царскую армию крепостного времени»⁷. И. М. Троицкий обратил внимание на то, что в 1819 г. начальнику Южных военных поселений И. О. Витту было дано секретное поручение, связанное с необходимостью набора тайных агентов⁸. Историк предполагал, что Шервуд был агентом Витта, прикрепленным к воинским частям, положение в которых вызывало опасение правительства⁹. Шервуд был произведен в унтер-офицеры и стал писарем полкового комитета. По свидетельству его начальника И. П. Барка-Покровского, он особенно преуспел по полицейской части¹⁰. Когда у этнического грека Я. Н. Булгари, занимающегося разведением овец, умер немец-управляющий, «Шервуд, на все руки мастер», под видом специалиста по овцеводству стал управлять его овцеводческим хозяйством¹¹. Глава целого семейного клана Я. Н. Булгари подозревался, и не без основания, в связях с греческим тайным обществом «Филики Этерия»¹².

Пути Вадковского и Шервуда пересеклись в декабре 1824 г. в г. Ахтырке в доме Я. Н. Булгари. Хозяин дома управлял имением А. Р. Чернышевой, а Вадковский был ее племянником. Впоследствии оба конспиратора пытались представить их встречу как совершенно случайную. Спрошенный об этом в Следственном комитете по делу декабристов Булгари отрицал, что он был посредником при этом знакомстве. Грек заявил: он «не имел ни надобности, ни времени рекомендовать его Вадковскому, ибо они сейчас подружились»¹³. Но, по всей видимости, оба конспиратора были знакомы и раньше¹⁴.

Из письма Вадковского Пестелю следует, что он не только принял Шервуда в тайное общество, но и направил его с лестными рекомендациями к лидеру южан. Согласно письму в конце 1824 г., спустя три часа после знакомства, Вадковский открылся человеку, которого видел впервые. «Прием этот, — писал он в Тульчин, — хотя и поспешный, все же самый прекрасный, самый замечательный из всех, которые я когда-либо делал»¹⁵. Вадковский заклинал Пестеля оказать Шервуду доверие и говорить с ним вполне откровенно. Он сообщил о своих успехах в приеме новых членов и приложил два проекта: об организации тайной типографии и об организации постоянной связи между членами общества посредством специально назначенных для этого курьеров¹⁶.

Биография многоликого Шервуда, впрочем, надо признаться, довольно-таки темная, если не быть предвзятым, располагала к тому, чтобы все исследователи без исключения, признавали Вадковского безусловной «жертвой»¹⁷. Но никому не приходило в голову допустить, что Шервуд и Вадковский могли быть единомышленниками и действовать заодно. В построении «Вадковский — жертва Шервуда»

самым слабым звеном является тезис о том, что «искуситель» настолько «обворожил» горе-конспиратора, что тот совершенно запутался «в тенетах провокации». И дело не только в том, что фигура декабриста, путающегося в «паучьей паутине» провокатора, выглядит, мягко говоря, довольно нелепо. Гораздо важнее другое. Вадковский прекрасно знал, в чьи руки он передает свое конспиративное письмо.

Существует один очень важный источник, который не оставляет в этом никаких сомнений. Он не только проливает свет на этот вроде бы понятный, но в то же время более чем странный эпизод. Этот источник служит ключом к правильному пониманию всей этой загадочной ситуации, уникальной во всем декабристском движении. Он давно опубликован, но никогда не сопоставлялся с «провальным» письмом Вадковского. Правильнее сказать, что он всегда полностью игнорировался исследователями. Слишком невероятным казалось все то, о чем в нем говорится. Речь идет о воспоминаниях декабриста В. С. Толстого, прапорщика Московского пехотного полка, члена Южного общества. Они были опубликованы в 1955 г., почти одновременно с фундаментальным трудом М. В. Нечкиной, но никогда не привлекались для его корректировки. Патриарху отечественного декабристоведения этот источник был известен еще тогда, когда она готовила к печати «Дело Ф. Ф. Вадковского» в серии «Восстание декабристов», но исследовательница предпочла полностью проигнорировать «неудобное» свидетельство. Оно никак не вписывалось в историю о декабристе-агнце.

В 1825 г. в 20-х числах октября Толстой посетил село Тагино в Орловской губернии. Оно принадлежало его родственнице А. Р. Чернышевой. В это же время там находился и Ф. Ф. Вадковский. «Не смыкая глаз», они проговорили все ночь. Вадковский сообщил Толстому, что принял в тайное общество Шервуда. Толстой стал его упрекать, как можно принимать в общество такую сомнительную личность, к тому же иностранца. Вадковский возразил, «что Шервуд совершенно в его руках, рассказав ему, как во время греческого восстания корфиот граф Булгари (дядя попавшего в истории тайного общества), в Херсонской губернии занимавшийся овцеводством, навел на себя подозрение нашего правительства в связях и сношениях с греческим тайным обществом «Гетерия». Тогда министр иностранных дел граф Нессельроде отыскал Шервуда и через знакомых Булгари отправил его с рекомендацией как отличного, специального овцевода, поручив ему вкратце в доверие графа Булгари и обо всем подробно доносить указанным правительственным лицам»¹⁸. Следовательно, «провалившийся» декабрист прекрасно отдавал себе отчет, куда пойдут сведения, которые он поместил в своем «конспиративном» письме. Это в корне меняет дело и позволяет увидеть ситуацию в совершенно ином свете. Выходит, наивен и доверчив был вовсе не Вадковский, а историки, принимавшие информацию Шервуда за чистую монету.

На самом же деле Вадковский пользовался Шервудом как каналом для передачи «наверх» тех сведений, которые считал необходимым туда доставить¹⁹. Но какую же цель тогда преследовал Шервуд?

Никто из исследователей не заметил того важного обстоятельства, что предметом «вожделений» этих двух людей был А. А. Аракчеев, главный начальник Отдельного корпуса военных поселений. Если выражаться более точно: его полная дискредитация и в конечном счете отстранение от дел. На первый взгляд, такая трактовка кажется просто невероятной. Но тем не менее это действительно так.

В письме Вадковского присутствует еще одна очень важная деталь. Она позволяет по-новому посмотреть на те цели, которые ставили перед собой оба конспиратора. В этом документе, а его следует рассматривать как коллективное творчество Вадковского и Шервуда, есть упоминание о военных поселениях. Автор сообщает, что условился с Шервудом «sur ce qu'il m'avait dit du projet des colonies de se révolter sans autre but que celui d'une amélioration dans leur sort je lui laissais le plein droit de recevoir en lui enjoignant de donner au mécontentement général une tendance qui soit toute pour notre cause»²⁰. То есть он условился с Шервудом «в отношении того, что он говорил мне о плане восстания военных поселений с одной лишь целью улучшить их положение, я предоставил ему полное право принимать новых членов, предписав ему влиять на общее недовольство в желательном для нас смысле»²¹. На этом поприще — констатирует Вадковский, — Шервуд достиг «полного успеха» («son parfait succès»).

На первый взгляд в таком упоминании ничего удивительного нет. Декабристы всегда рассматривали военные поселения как резерв для антиправительственного выступления и пытались всячески привлечь их на свою сторону. Более того, принято считать, что Вадковский и привлек Шервуда в тайное общество прежде всего потому, что тот служил в военных поселениях²². Но это только на первый взгляд. При тщательном анализе открывается, что, не столько военные поселения сами по себе как резерв для антиправительственных выступления интересовали конспираторов, сколько стоявший во главе военных поселений А. А. Аракчеев. Именно он был их главной мишенью.

Как свидетельствовал во время декабристского следствия хозяина дома Я. Н. Булгари, «Вадковский просил от госпожи Чернышевой письмо для Шервуда к Аракчееву». Яков счел неприемлемым, чтобы графиня вмешивалась в такие дела, и поэтому просьба Вадковского «осталась без удовлетворения»²³. Другими словами их совместная деятельность на исторической сцене началась с того, что они предприняли попытку получить выход на самого Аракчеева посредством рекомендательного письма! Факт в эпопее Шервуд-Вадковский, никем не отмеченный. Но он очень красноречив. Это особенно интересно, если

принять во внимание, что их первый же разговор во время знакомства в доме Булгари начался с положения в военных поселениях. В своих воспоминаниях Шервуд так передал этот диалог. На вопрос Вадковского, отчего он до сих пор не произведен в офицеры, Шервуд ответил: «Это делается не вдруг у нас в поселении; третий год справки собирают обо мне и начали тогда, когда я прослужил положенный четырехлетний срок».

Вадковский: «Да у вас чорт знает что делается; вы служите в военном поселении, каково у вас там?»

«Я отвечал: «Не совсем хорошо; мало дают время хозяевам для полевых работ; от этого терпят большой недостаток, их замучили постройками».

Вадковский: «Значит, поселяне очень недовольны?»

Я: «Очень».

Вадковский: «Ну, каково офицерам?»

Я: «Конечно, офицерам лучше, но вообще все недовольны; вы знаете, что Аракчеев шутить не любит»²⁴.

Итак, осуждающий военные поселения Шервуд добивался личной встречи с Аракчеевым, а Вадковский пытался этому всячески содействовать. После того, как попытка провалилась, Шервуд написал через лейб-медика Я. В. Вилье, также англичанина, письмо царю с просьбой принять его для сообщения обстоятельств, имеющих чрезвычайно важное значение. Царь решил выслушать Шервуда. Но прежде, чем 17 июля 1825 г. в Каменноостровском дворце состоялась тайная аудиенция у царя, Шервуду пришлось пройти через руки своего главного начальника Аракчеева. Однако Шервуд ничего не открыл ему. Он заверил временщика, что дело не касается ни его лично, ни военных поселений, как таковых. Царю же Шервуд заявил (по крайней мере, так он рассказал в своих воспоминаниях), что некоторые учреждения и постановления в государстве ему очень не нравятся, «и не может быть, чтобы государственные люди делали без намерения столь грубые ошибки». Царь потребовал объяснений. «В военном поселении, — отвечал Шервуд, — людям дают в руки ружья, а есть не дают; что им, ваше величество, остается делать?». Государь не понял: «Как есть не дают?». Шервуд объяснил, что «коренные жители или хозяева обязаны кормить свое семейство, постояльцев, действующих резервистов и кантонистов, и что они так заняты постройками и перевозкой леса из черкасских лесов, что не имеют трех дней в лето на свои полевые работы, и что были примеры, что люди умирали от голоду». Хотя, ни самому императору, ни графу Аракчееву «об этом ничего неизвестно, но при нынешних обстоятельствах может быть такое положение военных поселян очень опасным». Царь слушал с большим вниманием. Шервуд сообщил еще о том, «что министр финансов издал гильдейское постановление, которым запрещается мещанам и крестьянам из уезда в уезд возить продавать

хлеб и всякого рода произведения свои, чем сковали внутреннюю в государстве торговлю». Заключительный вывод, открывавшего глаза царю унтер-офицера был красноречив: «Таких ошибок, ваше величество государственные люди без цели делать не могли»²⁵. Другими словами, «добровольный доноситель», сообщивший Александру, что подозревает существование тайного общества с умыслом на жизнь государя, почти открытым текстом заявил царю, что его «без лести преданный» фаворит интригует против него. Он не только превратил фактически военные поселения в пороховой погреб, готовый в любую минуту полыхнуть, но сделал это умышленно.

Разумеется, Шервуд скрыл от царя, что он уже является членом тайного общества. Не только принят в него Вадковским, но даже сам наделен правом принимать в конспирацию новых членов, и уже принял в нее двоюродного брата Якова Булгари Андрея, тогда как Вадковский, прибегнув к грубому шантажу, сделал членом своей организации сына Якова Николая Булгари.²⁶

После того, как Шервуд получил от царя полномочия раскрыть тайное общество, в членстве в котором, по его словам он подозревал Вадковского, «добровольный дознаватель» должен был докладывать о своих успехах Аракчееву²⁷. Казалось бы это лишало его возможности сообщать компромат на графа императору. Но это далеко не так. Поскольку царь заинтересовался «раскрытиями» Шервуда, то его донесения, как бы они ни были неблагоприятны для Аракчеева, временщик был вынужден докладывать Александру. На это и был сделан расчет Вадковского и Шервуда. Донесения «добровольного доносчика» могут быть правильно поняты только в том случае, если их читать именно под этим углом зрения. Бросающаяся в глаза «наивность» конспиратора Вадковского, буквально лезущего из кожи, чтобы поразить воображение «провокатора», настолько бьет через край, что невозможно поверить в то, что все это имело место в реальной действительности.

В самом деле в первом же донесении Аракчееву 20 сентября 1825 г. Шервуд сообщил совершенно невероятную историю о том, как он был принят в тайное общество Вадковским, а тот, хотя и стрелянный воробей, попался на мякине: поверил «сказкам» нагрянувшего с ночным визитом Шервуда и раскрыл перед ним карты относительно конечных целей общества.

Шервуду надо было как-то правдоподобно объяснить Аракчееву, как он стал членом конспирации и сумел «расколоть» Вадковского. Но объяснение его «хромало» на обе ноги. Поскольку Шервуд не мог открыть временщику, что уже давно принят и сам принимал, его плутовской склад ума выстроил такую схему. Якобы, желая выведать у Андрея Булгари, не является ли его дядя Яков членом тайного общества, Шервуд узнал от собеседника, что в конспирации состоит Вадковский. И на вопрос, откуда ему это известно, провокатор-виртуоз

получил ответ: «От брата Николая»²⁸. Оставалось лишь узнать, где находится Вадковский и раскрыть перед ним свою душу, преисполненную ненавистью к деспотизму. Но это уже было делом техники.

19 сентября в двенадцатом часу ночи он прибыл на квартиру Вадковского в Курске. Разбудил его, и буквально с порога заявил, что уже год, как действует в интересах тайного общества: старается его «умножить» и добился на этом поприще потрясающих успехов — успел принять аж 47 штаб и обер-офицеров. А еще двух полковых командиров и двух генералов. Потрясенный Вадковский вскочил с постели, стал его целовать «и желать всякого успеха». Тут же, недолго думая, он сообщил новоявленному соратнику, что Николай Булгари, который предполагает быть у отца Якова, должен поехать в Петербург. Надо составить «известным особам отчет об успехах». Для этого он попросил Шервуда привезти ему список «сколько, каких именно чинов и полков» он принял. Вместе с тем он предложил Шервуду написать «мнение свое насчет поселенских войск». По его словам, это было «очень важно». Шервуд дал слово. «Мы составим обще с тобой ведомость, — заявил Вадковский, — и с Николаем Булгари пошлем...». При этом он заверил своего ночного посетителя, «что это предприятие сверх ожидания имеет хороший успех». Шервуд поинтересовался, есть ли в корпусе генерала Н.М. Бородина «из знатных особ, которые на это предложение были бы согласны?». (Отметим, генерал- адъютант Бороздин, стоявший во главе 4-го кавалерийского корпуса, расквартированного в Орловской губернии, был конфидентом Александра I²⁹). «Есть двое, а прочих довольно», — услышал он в ответ. Вадковский как бы невзначай заметил полуночному посетителю, свалившемуся ему, как снег на голову, что «самое трудное в сем деле истребить вдруг всю царскую фамилию». «Это не трудно, — возразил Шервуд, — но проблема состоит в том, что цесаревич Константин находится в Варшаве». Но Вадковский его успокоил: «Поляки также хотят действовать, как и мы». На этом разговор закончился. «И так без всякого труда я попал в общество», — резюмировал Шервуд. И завершил свой отчет предложением перехватить гонца с поличным и просьбой прислать для этого специального человека³⁰.

В своем рапорте Шервуд не дал ответа, каким образом он объяснил Вадковскому, как он узнал о существовании общества, и почему стал действовать в его пользу. Очевидно, чувствуя такой «изъян» в своем построении, Шервуд впоследствии в своих мемуарах попытался его исправить. Он придумал, будто бы Вадковский сразу же спросил его, как он узнал о существовании общества, а Шервуд отговорился, мол, расскажет после. После же вследствие настоятельных просьб Вадковского открыть, кем он принят в общество, Шервуд, узнавший от самого же Вадковского, что сын Якова Булгари принадлежит к обществу, сказал ему, что узнал от Николая Булгари³¹. Объяснение, прямо скажем,

рассчитанное на очень наивных людей. Впрочем, как и вся ситуация, описанная в отчетной записке Аракчееву от 20 сентября. Очевидно, наивен и доверчив был вовсе не Вадковский, а историки, принимавшие информацию Шервуда за чистую монету.

Для чего же Шервуд сочинял такие «басни»? На что он мог рассчитывать, докладывая таким вот образом? На то же, на что он рассчитывал, рисуя в каменноостровской резиденции мрачными красками положение военных поселений. Как бы невероятно ни выглядело то, что он представил в отчетной записке Аракчееву, при том, что читавший ее царь, естественно, понимал: все описанное вымышлено провокатором, чтобы втереться в доверие к настоящему конспиратору, тем не менее, червь сомнения не мог не зародиться в душе императора: «А что, если это все правда?» Ведь как бы ни выглядел одураченным Вадковский, из текста явствовало: конспирация стремится использовать в своих интересах тяжелое положение в военных поселениях и может это сделать. В таком случае, записка Шервуда, при всей невероятности описанных в ней фактов, цели своей достигала. То же можно сказать и о следующем отчете Шервуда от 18 ноября, отправленному уже в руки И.И. Дибича, которому «дознаватель» докладывал и раньше о своих действиях по разоблачению семейства Булгари³².

Поскольку для поимки курьера с поличным Шервуд просил прислать «специалиста», царь, прочитавший отчет 10 октября³³, отрядил для этой цели полковника С.С. Николаева. Хотя Александр I не отдал немедленно распоряжения о посылке его на помощь к Шервуду, выбор этой персоны, которая ведала личной безопасностью помазанника в Таганроге, свидетельствовал о том, что написанное «добровольным дознавателем», царя встревожило.

После встречи с Вадковским в Курске Шервуд отправился в Орловскую губернию искать соумышленников в окружении Н.М. Бороздина. Пробыл там до 26 октября. Но ничего не открыл. Тем временем Вадковский принял в тайное общество еще целый ряд лиц. Сред них корнета Конного полка Ф.В. Барыкова³⁴, женившегося на фрейлине В.П. Ушаковой. С ним он отправил записку в Петербург с извещением об этом приеме. А также фанен-юнкера Нарвского драгунского полка Ф.Я. Скарятин. По пути из Минеральных вод в Петербург к Вадковскому заехал П.Н. Свистунов, бывший сослуживец по Кавалергардскому полку, член Южного общества. Если Вадковский действительно нуждался в курьере, чтобы отправить отчет о проделанной работе в столицу, и Свистунов и Барыков вполне годились для этой роли. Но Вадковскому и Шервуду, чтобы устроить царя международным характером «заговора», нужен был только представитель рода Булгари, этнический грек. Поэтому Вадковский решил дожидаться, когда Николай Булгари, посетивший его в Курске на пути из Петербурга к Харькову к отцу, поедет в обратный путь, чтобы быть арестованным по дороге вместе

с бумагами. 30 октября Шервуд, узнав, что этот грек проезжал к отцу в Харьков, поспешил приехать в Курск к Вадковскому. Тот напомнил ему о его предположении составить ведомость и отослать с Николаем Булгари «по принадлежности». Но Шервуд узнал, что Николай уже уехал в Одессу. Вадковскому же надо было «сделать требование от главных членов» завести секретную типографию, чтобы «выдавать в публику разные сочинения на российском диалекте, чтоб более приготовить всех к сказанному действию». Более того он намерен был потребовать три экземпляра конституции: один для себя, второй для Шервуда, третий же для доставки в Петербург. Предложение Шервуда взять на себя роль курьера, Вадковский отклонил на том основании, что Н. Булгари «уже на то определил себя». Вадковский составил вопросы, на которые следовало ответить Шервуду в своей записке о военных поселениях: «Главная причина, побуждающая их быть сообщниками, негодование вообще генералитета, штаб и обер-офицеров и нижних чинов, и какие меры были взяты мною к открытию ими сего, как ими было оное принято, свойство нижних чинов вообще, число войск, могущих поднять оружие в случае нужды, сколько мною принято, есть ли в числе принятых с отличными способностями ума, могущих во всяком случае быть полезными». Шервуд составил соответствующую записку. Но конкретных имен не указал. Вадковский сжег вопросы и черновик, а беловик спрятал в футляр от скрипки. При этом он заметил, что хранит там свои бумаги.

По словам Шервуда, Вадковский «был в восхищении, что дела текут хорошо» и сообщил ему важные новости. Он получил из Петербурга известие о том, что в гвардии принято в тайное общество еще 10 человек. В присутствии Шервуда Вадковский агитировал майора Северского конно-егерского полка О.О. Гофмана. Очевидно, Вадковский зря времени не терял. Еще Шервуд узнал от Вадковского, что в обществе состоят З.Г. Чернышев, ротмистр Кавалергардского полка, сын обер-шенка Г.И. Чернышева, кавалергардский корнет П.Н. Свистунов. Вадковский сообщил: В.А. Бобринский, какой именно Шервуд не знал, но это был внук Екатерины II, отставной корнет Гусарского полка, жертвует 10 тысяч рублей на заведение секретной типографии.

Стоило только пробежать этот список глазами, чтобы понять: круг вокруг царя сжимается, если даже лица из придворного окружения становятся членами тайного общества. Кроме того, Шервуд сообщил, что к обществу принадлежит «полковник Павел Пестель», и генерал-интендант 2-й армии А.П. Юшневский. Вадковский показал Шервуду свое письмо к А.Р. Чернышевой. В нем он просил свою тетку исходатайствовать у царя через императрицу прощение брату — А.Ф. Вадковскому, переведенному в провинциальный полк после Семеновской истории. В этом письме «он ясно говорит, что в последующем времени он будет знать, как отблагодарить государя императора, что было предметом общего

моего с ним смеха, где он упоминает, что если он прежде делал по молодости лет глупости, то теперь верно не сделает того». То есть теперь будет действовать гораздо осторожнее.

В качестве доказательства того, что Вадковский действительно ведет конспиративную деятельность, Шервуд приложил к своему отчету два подлинных его письма от 20 октября и от 12 ноября. В первом он напоминал Шервуду: «Не забудь, что у нас с тобою дела важные». Во втором был двусмысленный вопрос: «Нашел ли ты, наконец, тех должников, коих предполагал искать в окрестностях Чугуева, и заплатил ли хоть кто-нибудь из них тебе?». В письме был постскриптум: «Не забудь достать мне то, что обещал»³⁵. Предлог собирать долги, комментировал Шервуд, это не что иное, как приглашение сообщников³⁶.

Это был еще один снаряд, выпущенный по Аракчееву, самый мощный. Не зря же упоминались «Чугуево», памятное самым крупным восстанием военных поселян в 1819 г. Пикантность ситуации заключалась в том, что в то время, когда писались эти строки, временщик был уже не у дел. После убийства Анастасии Минкиной Аракчеев сам себя уволил: по случаю траура совсем отстранился от дел. Шервуд не мог не знать об этом от С. С. Николаева. Записка о состоянии военных поселений, а в ней, надо думать, автор не пощадил «без лести преданного», должна была попасть в руки царя, минуя Аракчеева. Поэтому можно было не опасаться слишком сгустить краски.

Шервуд написал это донесение 18 ноября 1825 г. На следующий день Александр I умер. Ситуация изменилась коренным образом. Со смертью царя отпала необходимость в существовании конспирации, которая в течение десяти лет угрожала императору, пытавшемуся проводить свою самостоятельную политику. Угрожало убийством его самого и расправой над членами его семьи, если он отважится на такое решение крестьянского вопроса, которое ущемляло бы благосостояние дворянства³⁷, либо же решится на такой самостоятельный внешнеполитический шаг, как восстановление Речи Посполитой в ее средневековых границах в качестве самостоятельного государства³⁸. Хотя самые тщательные поиски Следственной комиссии по делу декабристов так и не обнаружили ни одного факта, свидетельствующего о практической подготовке цареубийства³⁹. Александра I пугали тем, что российское тайное общество являлось частью общеевропейского заговора, деятельность же декабристкой конспирации якобы направлялась из заграничного революционного центра в Париже⁴⁰. Но наличие такой конспирации, ограничивавшейся лишь потенциальными угрозами цареубийства, давало уникальный шанс открыть ее и объявить, что она действительно готовила расправу над августейшим семейством. И выступить настоящим спасителем отечества от этой опасности, по сути дела, мнимой. Выдавая мнимое за действительное, можно было окончательно

дискредитировать и Аракчеева, поспешившего вернуться к исполнению своих обязанностей после смерти Александра I.

Но донесений Шервуда для таких выводов было явно недостаточно. Необходимы были письменные доказательства, вышедшие из самых недр тайной организации, важнейшие документы, выводящие на ее руководителя. Именно такую бумагу создали Вадковский и Шервуд 3 декабря 1825 г. Она было датирована 3 ноября, но написана месяц спустя. Авторам было необходимо создать иллюзию, будто ее писали при живом Александре, тогда как царя уже почти три недели не было в живых. Письмо Вадковского с дифирамбическими характеристиками англичанина должен был доставить Пестелю сам Шервуд. Более того, вместе с письмом ему следовало представить лидеру южан генерала из военных поселений, которого автор просил Павла Ивановича лично принять в общество с соблюдением всех положенных обрядов. Фамилия этого мифического лица, естественно, в письме не называлась. Кроме того, Вадковский, как уже отмечалось, просил прислать ему самому устав общества, который выветрился у него из памяти и три экземпляра конституции: один для себя, другой для Шервуда, третий для пересылки в Петербург⁴¹. Картина получалась впечатляющая. Генерал из военных поселений, посвящается в тайное общество, у которого есть устав и проект конституции для России!

Что еще нужно для дальнейшей карьеры человека, перехватившего такое письмо? Впрочем, как отмечалось выше, перехватывать его не пришлось. Вадковский сам вручил его в руки Шервуда, а тот через Николаева переслал Дибичу. Дибич же, фактически стремившийся занять место Аракчеева при новом монархе, имя которого — Константин или Николай — он еще пока не знал, — выжал из ситуации все возможное и почти что невозможное. Спаситель отечества решил пожертвовать Вадковским. Он был арестован Николаевым и отправлен в Шлиссельбург. Шервуду начальник Главного штаба определил роль верного патриота, раскрывшего крамолу. Его отчетные записки признаны были за истину и положены в основу доклада 4 декабря, посланного и цесаревичу Константину и великому князю Николаю⁴². Излагая их в своем рапорте, Дибич при всей неправдоподобности содержащихся в них сведений, умудрился еще усилить эту неправдоподобность. В частности, он утверждал, что в сентябре в Курске, во время ночного вторжения в его дом, Вадковский открылся «человеку, которого он прежде вовсе не знал» (?!)⁴³, хотя из «перехваченного» письма Пестелю было ясно, что девять месяцев назад он уже принял его в тайное общество в доме Булгари.

Рапорт Дибича был получен в Петербурге за два дня до 14 декабря. С чтения его начал свою работу Следственный комитет после выступления на Сенатской площади. Вернувшись из Таганрога, Дибич с 8 января 1826 г. фактически взял

следствие по делу декабристов в свои руки⁴⁴. Направляя его в соответствии с личными устремлениями, он добился всего, к чему стремился⁴⁵. И в итоге занял место Аракчеева при новом монархе, если только при Николае был возможен новый «аракчеев». Начальник Отдельного корпуса военных поселений, которым император придавал важнейшее значение, являлся одновременно и основным докладчиком по делам Государственного совета и Комитета министров. «Сила Андреевич» пользовался исключительным доверием царя, сосредоточил в своих руках почти что самодержавную власть и стал символом самодержавного произвола. Дискредитация в глазах Александра I его всемогущего временщика, являлась одной из основных задач тех представителей правительственных верхов, которые не хотели мириться с узурпацией верховной власти царским любимцем и готовы были даже содействовать антиаракчеевским акциям декабристкой конспирации. Но при этом сами были не прочь занять это место после падения «без лести преданного». Начальник Главного штаба И. И. Дибич, бывший протеже Аракчеева, преуспел более всех, чрезвычайно успешно используя в свою пользу сложившуюся ситуацию междоусобицы. Имя же прежнего царского любимца, как антагониста декабристов, почти не упоминалось на следствии. Следственные материалы почти полностью игнорируют Аракчеева. Это должно показаться более, чем странным, если учесть, что имя «узурпатора» было на устах едва ли не всех оппозиционеров. Начиная с рылеевского «Временщику» и заканчивая пушкинским «Всея России притеснитель...». Декабристские мемуары изобилуют филиппиками против Аракчеева. Сохранилась записка Ф. Н. Глинки, в которой он перечисляет имена и предметы, которые следует публично порицать для формирования общественного мнения. Среди них на первом месте Аракчеев, а на втором же — военные поселения⁴⁶. Среди членов тайных обществ даже существовал особый метод вербовки новых членов. Конспираторы начинали хвалить Аракчеева и, если их собеседник возмущался и начинал опровергать их, его признавали «своим»⁴⁷. Мемуары декабристов пестрят филиппиками против военных поселений, в которых они видели создание отдельной касты, оторванной от народа и угрожающей существованию дворянства, как такового⁴⁸. Однако ничего удивительного в умолчаниях следственных документов нет. Контролируя и направляя следствие, Дибич старался не допустить в документации следствия упоминаний об Аракчееве. Иначе «государственные преступники» могли оказаться с ним по одну сторону баррикад. И это ему удалось с лихвой. В результате следственный материал, являющийся, казалось бы, несмотря на вопиющую тенденциозность следователей, наиболее надежным источником для восстановления подлинной истории тайных обществ, дает о них неадекватное представление.

- ¹ Каторга и ссылка. 1929 . № 2. С. 84–92.
- ² Восстание декабристов Т. XI. М. 1954. (Далее:ВД). С. 192–195, 197–200.
- ³ Каторга и ссылка. 1929 . № 2. С. 84–85.
- ⁴ ВД. С. 13–15.
- ⁵ *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. СПб, 1901. С. 222.
- ⁶ *Сафонов М.М.* Российско–американская компания и 14 декабря 1825 г. // Труды кафедры Нового и Новейшего времени. 19(1). 2019. С. 33–54.
- ⁷ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. II. М., 1955. С. 196.
- ⁸ *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Т. I. СПб. 1903. С. 526.
- ⁹ *Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. М., 1931. С. 59. 60.
- ¹⁰ *Шервуд.* (Из записок генерал–майора Б–П). Берлин. 1860. С. 10.
- ¹¹ Там же. С. 22.
- ¹² См. подробно: *Сафонов М.М.* И.В. Шервуд – добровольный доносчик или спецагент Тайного общества? // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. X. «Горохова, 2». СПб., 2013. С. 23–24.
- ¹³ *Панчулидзева С.А.* Граф Яков Николаевич Булгари // Сборник биографий кавалергардов. Т. III. СПб., 1906. С. 192.
- ¹⁴ Во всяком случае Шервуд был близко знаком с родной сестрой Вадковского Екатериной Федоровной и она по свидетельству англичанина говорила с ним о заговоре на жизнь царя, случайно встретившись с старым знакомым на почтовой станции. (Исторический вестник. 1896. № 2. (Далее:ИВ). С. 73. Шервуд же, предлагая царю установить надзор за перепиской Вадковского, предупреждал государя, что муж Екатерины, брат орловского вице–губернатора, может этому помешать. (*Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного.С. 269 – 271).
- ¹⁵ ВД. С. 197.
- ¹⁶ Там же. С. 197–200.
- ¹⁷ «Сложные чувства возникают при чтении характеристики, – писал И.М. Троцкий, – которую дает Шервуду его жертва, уже совершенно запутавшийся в тенетах провокации Вадковский». (*Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. С. 69–70). «Прием шпиона Шервуда – тяжелая ошибка Вадковского», – констатировала М.Н. Нечкина (ВД.С. 14). «Конечно, прием Шервуда в тайное общество являлся неоправданно поспешным, но следует учитывать то обстоятельство, что он был неординарной личностью, тем более что при этом носил мундир унтер–офицера», – пытался оправдать Вадковского С.Н. Коржов. (*Коржов С.Н.* К истории провокации И.В. Шервуда.(Критический анализ «Исповеди Шервуда – Верного» и реконструкция его агентурно–провокационной деятельности //14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб. 2005. С. 240).
- ¹⁸ *В.С. Толстой.* Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 26.
- ¹⁹ См. подробно: *Сафонов М.М.* И.В. Шервуд – добровольный доносчик или спецагент Тайного общества. С. 20–21.
- ²⁰ ВД. С. 193.
- ²¹ Там же. С. 197–198.
- ²² Там же. С. 14; *Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. С. 70.
- ²³ *Панчулидзева С.А.* Граф Яков Николаевич Булгари. С. 192.
- ²⁴ ИВ. С. 71–73.

- ²⁵ Там же. С. 76–77
- ²⁶ См. подробно: *Сафонов М.М.* И.В. Шервуд – добровольный доносчик или спецагент Тайного общества? С. 26.
- ²⁷ *Троцкий И.М.* Жизнь Шервуда–Верного. С. 269–271.
- ²⁸ Декабристы. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 3. М., 1938. (Далее: Декабристы). С. 8.
- ²⁹ *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1901. С. 142.
- ³⁰ Декабристы. С. 9.
- ³¹ ИВ. С. 82.
- ³² Декабристы. С. 8.
- ³³ ГАРФ, Ф. 48. № 3, Л. 28.
- ³⁴ ВД. С. 201.
- ³⁵ Декабристы. С. 9.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. № 470. Л. 16–17; *Коржов С.Н.* К истории провокации И.В. Шервуда. С. 287; *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Т. I. С. 567–571.
- ³⁷ *Сафонов М.М.* Процесс по делу декабристов как феномен общественно–политической жизни России // Историко–культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 283–285.
- ³⁸ *Он же.* Речь Посполитая и декабризм // Декабристы: Актуальные направления исследований : Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84–97.
- ³⁹ *Он же.* Следствие по делу декабристов // Правовая система России: традиции и инновации. Ч. II. СПб., 2013. Материалы X всероссийской научно–теоретической конференции. Санкт–Петербург, 25–27 апреля 2013 года. СПб., 2013. С. 56–63.
- ⁴⁰ *Он же.* Всевропейский заговор, «Филики Этерия», декабризм // Труды кафедры Нового и Новейшего времени С.–Петербургского Государственного Университета. 20 (1). 2020. (В печати).
- ⁴¹ ВД. Т. XI. С. 193–194.
- ⁴² *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1998. С. 408–416.
- ⁴³ Там же. С. 410.
- ⁴⁴ *Сафонов М.М.* Основные проблемы изучения движения декабристов // Историческая память России и декабристы 1825–2015. Сборник Россия и декабристы 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт–Петербург, 14–16 декабря 2015). СПб.: Иркутск, 2019. С. 55–56.
- ⁴⁵ *Сафонов М.М.* И.И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно–теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. М., 2013. С. 601–609.
- ⁴⁶ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 224.
- ⁴⁷ Восстание декабристов. Т. XVIII. М., 1984. С. 289–290
- ⁴⁸ Вот что С.П. Трубецкой писал в своих «Записках» об учреждении военных поселений. Они «образует в Государстве особую Касту, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его угнетения...эта Каста, составляя особую силу, которой ничто в Государстве противуоставить не возмозет, будет сама в повиновении немногих, а может быть и одного лица; и если это будет искусный честолюбец, то легко ему будет приобретать любовь своих подчиненных, обольстить их и сделать их орудием своего честолюбия. Сверх того, нена-

видимый начальник может быть причиною восстания вверенной ему части, и какая возможность усмирить озлобленных, имеющих средства отразить силу силою? Кто может поручиться, что небольшое даже неудовольствие не породит бунта, который, вспыхнув в одном полку, быстро распространится в целом округе поселения? Можно ли предвидеть, чем кончится восстание многих полков вместе? <> Жестокие меры, употребленные против жителей мирных селений, из которых хотели сделать военных поселенцев, возбудили всеобщее негодование. Исполнители графы Аракчеев и Вит[т] сделались предметами всеобщего омерзения: и имя самого Императора не осталось без нареkania. Трудно было поверить, чтоб Ему неизвестными оставались варварские действия этих двух человек: и это подавало невыгодное мнение и его сердце и нраве». (Трубецкой С.П. Записки. Письма И.И Толстому. 1818–1823. СПб., 2011. С. 53–54). «При окончательном устройстве военных поселений они неминуемо должны были образоваться в военную касту с оружием в руках и не имеющую ничего общего с остальным народонаселением России», – утверждал И.Д. Якушкин. (Записки, статьи и письма И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1901. 547 с.
2. Восстание декабристов Т. XI. М. 1954. 435 с.
3. Восстание декабристов. Т. XVIII. М., 1984. 368 с.
4. Декабристы. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 3. М., 1938. (Далее: Декабристы). 566 с.
5. Исторический вестник. 1896. № 2. С. 66-84.
6. Каторга и ссылка. 1929. № 2. С. 84-92.
7. *Коржов С.Н.* К истории провокации И.В. Шервуда. (Критический анализ «Исповеди Шервуда — Верного» и реконструкция его агентурно-провокационной деятельности // 14 декабря 1825 г. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VII. СПб. 2005. С. 215-295.
8. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. 481 с.
9. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. II. М., 1955. 506 с.
10. *Панчулидзева С.А.* Граф Яков Николаевич Булгари // Сборник биографий кавалергардов. Т. III. СПб., 1906. С. 185-193.
11. *Сафонов М.М.* Всеевропейский заговор, «Филики Этерия», декабризм // Труды кафедры Нового и Новейшего времени С.-Петербургского Государственного Университета. 20 (1). 2020. (В печати).
12. *Сафонов М.М.* И.И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16-17 мая 2013 г. М., 2013. С. 601-609.
13. *Сафонов М.М.* Основные проблемы изучения движения декабристов // Историческая память России и декабристы 1825-2015. Сборник России и декабристы 1825-2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14-16 декабря 2015). СПб.: Иркутск, 2019. С. 49-68.

14. Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 279-293.

15. Сафонов М. М. Речь Посполитая и декабризм // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84-97.

16. Сафонов М. М. Российско-американская компания и 14 декабря 1825 г. // Труды кафедры Нового и Новейшего времени. 19(1). 2019. С. 33-54.

17. Сафонов М. М. Следствие по делу декабристов // Правовая система России: традиции и инновации. Ч. II. СПб., 2013. Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25-27 апреля 2013 года. СПб., 2013. С. 56-63.

18. Сафонов М. М. И. В. Шервуд — добровольный доносчик или спецагент Тайного общества? // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. X. «Горохова, 2». СПб., 2013. С. 18-32.

19. В. С. Толстой. Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 25-35.

20. Троцкий И. М. Жизнь Шервуда-Верного. М., 1931. 277 с.

21. Трубецкой С. П. Записки. Письма И. И. Толстому. 1818-1823. СПб., 2011. 384. с.

22. Шервуд. (Из записок генерал-майора Б-П). Берлин. 1860. 40 с.

23. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1998. 651 с.

24. Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб, 1901. 606 с.

25. Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Т. I. СПб. 1903. 800 с.

26. Якушкин И. Д. Записки, статьи и письма И. Д. Якушкина. М., 1951. 740 с.